

Viktória LEBOVICS

История украинистики в Будапештском университете

Идея написания истории украинистики в Будапештском университете принадлежит не мне, а Андрашу Золтану, который предложил мне эту тему, говоря, что надо написать, пока еще помним, пока еще есть у кого спросить, как же все происходило в действительности...

Выяснилось, что мы действительно многое помним, но без архивных материалов не обойтись...

Кто работал в архиве, знает, какая это волнующая, интригующая, и в то же время кропотливая, медлительная работа. Перелистывание пожелтевших, временами покрытых пятнами неизвестного происхождения и часто расплывающихся прямо в руках страниц; расшифровка написанных прекрасным, витиеватым, но иногда очень неразборчивым почерком документов; внезапное обнаружение слова «украинский»; вызвало во мне кучу вихрем сменяющих друг друга чувств: ликующую радость, чуть ли не жадное желание искать и находить еще и еще, смутное ощущение событий минувших времен, улыбку или грусть из-за воспоминаний о не таком уж и далеком прошлом... Короче, мне удалось уже найти довольно много материала, однако конца начавшейся цепной реакции я еще не вижу: каждый второй или третий найденный документ отсылает к чему-то новому, открывает дальнейшие возможности поиска, умножая список предстоящих задач.

Что касается сегодняшнего выступления, на основе имеющихся в моем распоряжении до сих пор документов, я решила кратко рассказать Вам историю украинистики в Будапештском университете, увязывая ее со следующими историческими периодами: Первая мировая война, 60-е годы XX столетия, политические реформы 90-х годов, а также рубеж XX–XXI столетий.

1. Первая мировая война

С концом Первой мировой войны связано начало требующего дальнейшего исследования пятилетнего периода, когда в Будапештском университете можно было изучать русинский язык и литературу.

15 мая 1918 года на заседании Сената директор Венгерской Королевской Торговой Восточной Академии Игнац Кунош в своем вступительном слове заявил: «У нас есть надежда на то, что в следующем учебном году сможем начать преподавание украинского языка, и это мы желаем предложить профессору университета Бонкало».¹

А 21 сентября 1918 года директор обращается к министру религии и общего образования с просьбой о повышении почасовой оплаты преподавателей университета в связи с тяжелой финансовой ситуацией военных лет и одновременно пытается выяснить намерения министерства:

Преподавать русский язык в текущем учебном году взялся д-р Шандор Бонкало, который в своем заявлении, поданном ревизионной комиссии, предложил также, что он будет преподавать и русинский (малорусский) язык, причем оба языка безвозмездно. Мы считаем, что Шандору Бонкало следует поручить преподавание русского языка (2 часа в неделю), который в предыдущие годы вел профессор университета Оскар Ашбот, однако считая преподавание русинского языка еще не совсем своевременным, мы должны занять выжидательную позицию. С уважением ждем благосклонное решение Вашего Благододия.²

В 1996 году вышла на венгерском языке книга Шандора Бонкало «Русины». Во введении Пал Сёллёши вспоминает профессора так:

Из врезавшихся в мою память впечатлений молодости выделяются посещения Шандора Бонкало в доме моих родителей с конца сороковых годов. Он был увлекательным, приковывающим к себе внимание собеседником, я часами мог слушать его объяснения о русской литературе, о душе народа, о славянских народах, о том, что несмотря на языковое родство они часто неправильно понимают друг друга. Профессиональное воодушевление, научную страсть в то время уже утраченного от должности, а позже отправленного на пенсию профессора не могло сломить даже непонимание сменяющих друг друга властных мира сего, несправедливость, не раз постигавшая его. Его живые глаза за толстой рамой очков начинали по-настоящему блестеть тогда, когда он говорил о своей родине, о Закарпатье, и о настолько близком ему русинском народе (SZÖLLÖSY 1996: 5).

Шандор Бонкало родился 22 января 1880 года в Рахове, а умер 3 ноября 1959 года в Будапеште. Учился в Будапеште, Лейпциге, Санкт-Петербурге. Работал преподавателем средних школ в разных городах Венгрии (Сегед, Дьёндебш, Залаэгерсег).

В биографии своего отца Эрвин Бонкало писал:

...по линии отца он был венгром, по матери – русином... Во многих греко-католических семьях было принято отдавать старшего сына в священники. Поэтому моего отца записали в ужгородскую греко-католическую семинарию, где за образование не надо было платить. Вскоре проявились его способности к языкам. Дедушка, заядлый русин, считал очень важным, чтобы его сын выучил славянские языки. Поэтому на летние каникулы отца отправили в соседнюю Галицию, чтобы он там углубился в изучение украинского языка, потом он поехал в Болгарию. Позже попал в Польшу и на территорию, населенную словаками в северной части Венгрии. В семинарии Шандор выделялся среди других прекрасным знанием латинского и греческого языков (BONKÁLO 1996: 7).

Так как принять сан священника Шандор отказался, он и на работу устроиться не смог, и в результате поступил в Будапештский университет им. Петера Пазманя, где в 1906 году закончил латинское, немецкое и славянское отделение. А с 1917 года стал преподавателем русского языка и литературы этого университета.

В протоколе заседания Сената университета Петера Пазманя от 3 января 1919 года говорится, что 11-м вопросом, предназначенным для обсуждения, было создание Кафедры русинского языка и литературы. Декан информировал Сенат о том, что министерство прислало бумагу о необходимости создать русинскую кафедру в восьмидневный срок, о назначении Шандора Бонкало на должность преподавателя и спросил мнение Сената по этому поводу. Оскар Ашбот поддержал кандидатуру своего бывшего ученика Шандора Бонкало, но высказал опасения по поводу нарушения права университета на автономию. Сенат проголосовал за Шандора Бонкало, результатом голосования было 28 голосов «за» и 4 пустые карточки. А в отношении предмета преподавания по предложению преподавателей университета Блеера и Баллаги было установлено, что Факультет «...желает, чтобы он не распространялся на малорусский и великорусский язык и литературу, а ограничился лишь русинским языком и литературой».³

После принятия данного решения в Сенате разгорелась дискуссия об автономии университета. Было принято решение о том, что декан в протоколе и письме, направленном министру, особо подчеркнет факт нарушения права университета на автономию, и обратит внимание министерства на то, что это может послужить прецедентом.⁴ Все это было проявлением уже давних достаточно натянутых отношений между университетом и министерством.

Д-р Режё Сегеди в докладе «О кафедре русинского языка и литературы, а также деле назначения Шандора Бонкало» от 5 ноября 1919 года пишет о том, что созданная для рассмотрения этого дела комиссия постановила:

Назначение Шандора Бонкало является определенным нарушением автономии университета, так как Министерство религии и общего образования правительства Карои по данному вопросу не обратилось к факультету с просьбой о выдвижении кандидата на эту должность, а дало знать, что желает назначить Бонкало. Факультет выдвинул Бонкало, совет министров назначил его, однако клятву он дал не перед по праву существующим советом, а перед назначенным. В результате постановления Министерства религии и общего образования о восстановлении автономии после провала Республики советов, было аннулировано и назначение Бонкало; поэтому в настоящее время он является только приват-доцентом нашего факультета.

Далее комиссия сообщает, что на основе достоверных источников известно, что русинская интеллигенция была ошеломлена этим назначением, так как на занятие данной должности на этой – и с политической точки зрения важной – кафедре конкурс объявлен не был. А желающие и подходящие

кандидаты на это место есть. По мнению комиссии, в области научной деятельности они сделали не меньше, чем Бонкало. И отношений с русинами и русинской интеллигенцией не прерывали, как это сделал Бонкало. Комиссия делает вывод о том, что факт разрыва отношений с русинами в случае важной с политической точки зрения кафедры немаловажен, хотя признает, что данную информацию члены комиссии получили от лиц, не связанных с факультетом. А что касается научной работы Бонкало, университетская габилитация ученого проходила не на основе его ранее появившихся в печати работ, а на основе намного более ценных рукописей, выход в свет которых оказался невозможным из-за войны. «А что у других существует в рукописях, комиссия знать не может, ведь у них и возможности не было это представить». Комиссия стремится по данному деликатному вопросу принять решение, учитывающее все правомерные требования. Предложение комиссии: объявить конкурс, и, с учетом того факта, что русинский край в настоящее время оккупирован, продлить срок подачи заявок до апреля 1920 года.⁵

Из сохранившихся расписаний университета мне удалось установить, что Шандор Бонкало в первом и втором семестре 1919–1920 учебного года вел «Занятия по русинскому языку (Для начинающих. На русинском языке). 3 часа в неделю»,⁶ а в первом семестре 1920–1921 учебного года – «Фонетику и морфологию отечественного русинского языка. 2 часа в неделю».⁷ Данных о втором семестре нет. В первом семестре 1921–1922 учебного года – «Историю отечественной русинской литературы. 2 часа в неделю» и «Русинскую грамматику (На русинском языке)»,⁸ данные о втором семестре и следующем учебном году также отсутствуют. В первом семестре 1923–1924 учебного года он вел «Занятия по русинскому языку (На русинском языке). 2 часа в неделю»,⁹ информации о втором семестре, к сожалению, тоже нет, а в расписании на 1924–1925 учебный год имя преподавателя русинского языка и литературы уже не фигурирует.

После создания Кафедры русинского языка и литературы прошло всего несколько лет. Стремительно развивающиеся политические события в стране преопределили судьбу Шандора Бонкало. После распада Австро-Венгерской монархии, «отец стал членом совета, состоящего из ученых, журналистов и сотрудников Министерства иностранных дел, в задачи которого входила подготовка венгерской делегации к приближающимся переговорам о мире», – писал сын ученого (BONKÁLO 1996: 8). Эта комиссия поручила Шандору Бонкало подготовить материал, связанный с русинским вопросом. После провозглашения Республики в октябре 1918 года под влиянием радикального социолога, специалиста по вопросам национальных меньшинств Оскара Яси правительство Михая Карои 21 декабря 1918 года приняло закон о создании автономной русинской территории во главе с губернатором и самостоятельной администрацией. В начале 1919 года Руська Крайна действительно просуществовала 40 дней. Однако в результате Сен-жерменского мирного соглашения в апреле 1919 года чехословацкие войска с запада,

а румынские войска с востока оккупировали территорию, населенную русинами. Преподавательская должность Шандора Бонкало также оказалась в опасности. Вот как объясняет сложившуюся ситуацию Эрвин Бонкало:

Коммунистическая система Бельи Куна считала его монархистом, поэтому публикацию его русинских исследований не разрешили. А согласно правому режиму адмирала Хорти мой отец считался коммунистом, поэтому было оказано давление на университет с целью его увольнения (BONKÁLÓ 1996: 8–9, 11).

И действительно, 29 января 1924 Сенат университета года принял решение (33 голоса «за», 2 – «против», 3 – воздержались) о закрытии Кафедры русинского языка и литературы и внесении Шандора Бонкало в так называемый «список-В». Список преподавателей, которых отправляют на пенсию.¹⁰

В биографии Шандора Бонкало, написанной сыном Эрвином, есть интересное, в любом случае требующее дальнейших исследований утверждение:

После окончания Второй мировой войны снова началась университетская карьера моего отца: 1 ноября 1945 года он стал профессором кафедры украинского языка и литературы. Однако и это назначение оказалось коротким. Незвестный доносчик упрекнул его в том, что он снисходительно отзывался о советской литературе. Поэтому с ноября 1946 года по январь 1950 года его отстранили от должности и в 70 лет отправили на пенсию (BONKÁLÓ 1996: 10).

А в издании «Главы из истории университета им. Лоранда Этвеша. Архив Университета им. Лоранда Этвеша 1635–1990» в краткой истории Кафедры восточнославянской и балтийской филологии говорится:

После Второй мировой войны согласно политическим изменениям в 1946 году во главе с Золтаном Трочани создали Кафедру русского языка и литературы. Реактивировали и Шандора Бонкало, который до отправления на пенсию в 1948 году работал на Кафедре украинского языка и литературы (KISS–SZÖGI–VARGA 1999: 240).

Данные противоречивые и требуют проверки. Единственное, что мне удалось установить в этой связи, это то, что в расписании занятий, объявленных на славянском отделении в первом семестре 1946–1947 учебного года Шандор Бонкало фигурирует в качестве преподавателя четырех предметов:

1. «Введение в русскую литературу. Русское народное творчество». 2 часа в неделю, по вторникам с 9 до 11. Здание С. Малый зал на 1 этаже.
2. «Дух украинской литературы». 1 час в неделю. Институт славянской филологии.
3. «Русские хроники о венгерской истории». 1 час в неделю, по четвергам с 12 до 1. Институт славянской филологии.
4. «Чтение украинских текстов». 2 часа в неделю, время проведения будет указано позже, там же.¹¹

В расписании на второй семестр имя Шандора Бонкало уже опять не фигурирует. Невыясненным пока остается преподавал ли он уже во втором семестре 1945–1946 учебного года, и если да, то какие предметы. Расписание занятий за этот год не сохранилось.

2. 60-е годы XX столетия

1961 год является годом рождения (возрождения?) украинистики в Будапештском университете.

После окончания Второй мировой войны в области высшего образования произошли серьезные изменения. В 1950 году Будапештский университет им. Петера Пазманя был переименован в Университет им. Лоранда Этвеша в честь всемирно известного физика, бывшего ректора университета, хотя в этом сыграло роль и желание «избавиться» от кардинала Петера Пазманя, примаша Венгрии.

После революционных событий 1956 года 1957–1958 учебный год был «годом консолидации, подготовки к новым задачам. [...] началась реформа подготовки преподавателей» (Sinkovics 1985: 351). На заседании Сената университета 4 сентября 1960 года прозвучала цитата из решения Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства, принятого на VII съезде Венгерской социалистической рабочей партии о том, что «развитие общего образования требует основательно подготовленной школьной реформы».¹²

В случае высшего образования целью реформы было с одной стороны приближение сферы образования к практической жизни и, с другой, подготовка специалистов на более высоком уровне. В постановлении Министерства просвещения «Директивы по дальнейшему развитию нашей системы образования» предусматривалась разработка и создание новых учебных планов и программ до 1965 года.¹³

В связи с этим заместитель ректора Дьёрдь Секей при обсуждении «Научного положения университета» заявил, что «мы пока еще не думаем о создании новых кафедр до тех пор, пока в ходе разработки университетской реформы не выяснится, каковы будут отрасли образования, возможные слияния, и какие новые научные отделения получат место в сфере образования». В задачи созданной для подготовки реформ комиссии включили также выявление того, какие исследовательские должности можно создать при уже существующих кафедрах, в том числе и в области «тех специальностей, которые до сих пор в сфере образования роли не играли, но необходимость в них есть».¹⁴

После этого заместитель ректора по научной части Бела Лендьел 24 октября 1960 года в «Оценке научной деятельности университета» заявил, что на Факультете гуманитарных наук: «...проблема скорее в нехватке специалистов, чем кафедр», при этом особо выделил историю музыки, иврит, фонетику и украинистику.¹⁵

22 декабря 1960 года ученый совет Факультета гуманитарных наук обсуждал документ «Общие принципы, связанные с усовершенствованием учебного материала и методов обучения в сфере высшего образования». Документ состоял из отдельных частей, касающихся усовершенствования учебного материала, выбора учебного материала, распределения и систематизации учебного материала, отдельных методических вопросов. Заместитель ректора по учебной части Дьёрдь Секей в связи с шестой частью обсуждаемого документа – «Кадровые условия усовершенствования учебного материала» – заметил, что эту часть после недавних обсуждений планов развития кадров университета далее рассматривать уже нет необходимости.¹⁶ К сожалению, до сих пор мне не удалось найти никаких материалов, связанных с планом развития кадров университета. Но из статистики сотрудников Кафедры русской филологии выясняется, что число преподавателей университета в начале 60-х годов достаточно интенсивно росло. На 31 декабря 1961 года на Кафедре работало всего 13 человек, из них двое по совместительству. Через год из 20 сотрудников уже 4 работало по совместительству, а к концу 1963 года на кафедре студентов обучало уже 26 человек. Интересно, что мест не хватало, и борьба за кадры велась уже и в те времена. На заседании университетского совета 21 июня 1962 года Иштван Шипош, заведующий Кафедрой русской филологии, жалуясь на недостаточное количество сотрудников, говорит о том, что на русском отделении в группах вместо 15 человек учится даже по 25 студентов, а нагрузка преподавателей настолько велика, что женщины-преподаватели не раз падают в обморок.¹⁷

В заключение своего выступления на ученом совете 22 декабря 1960 года Дьёрдь Секей подчеркнул: «Мы подошли к концу основных принципов». Намечившая ход усовершенствования учебного материала седьмая часть документа с полным правом акцентирует внимание на следующем:

Работу по усовершенствованию учебного материала по сравнению с применяемой до сих пор практикой подготовки учебных планов и программ необходимо осуществлять аналитически. Сначала необходимо определить цель образования, и исходя из этого в крупных чертах весь учебный материал, его обязательные и факультативные части, потом все это необходимо разбить на предметы, коллегии и практические занятия. Тогда можно будет приступить к разработке проекта обучения, содержащего приблизительное количество часов, за чем последует детальная разработка материала отдельных коллегий, что в конечном счете приведет к закреплению окончательного числа часов учебной программы.¹⁸

Менее чем через месяц на заседании ученого совета Факультета гуманитарных наук 27 января 1961 года уже конкретно обсуждался вопрос об открытии нового украинского отделения. На заседании присутствовал также представитель министерства Андор Ладани и при обсуждении 3 пункта повестки дня отметил, что украинское отделение может быть специальным

отделением, на котором начать учиться могут студенты третьего курса, «но можно и с первого курса. А может быть и третьей специальностью».¹⁹

Таковы были предпосылки организации отделения украинского языка и литературы в рамках Кафедры русской филологии в Будапештском университете им. Лоранда Этвеша.

Всю работу по подготовке и разработке учебного материала для студентов украинского отделения выполнила Вера Ивановна Сердюк, по мужу Тиборнэ Шер. Разработанная ею учебная программа «Для отделения украинского языка и литературы» была напечатана в серии «Программ факультетов гуманитарных наук» под номером 35 в издательстве «Tankönyvkiadó», в 1964 году.²⁰ Программа включала в себя следующие разделы: украинскую грамматику, историю украинской литературы по периодам, обязательную литературу, вопросы современной украинской культуры, языковую и стилистическую практику.

Вера Ивановна Сердюк родилась в Советском Союзе, в Ростове-на-Дону в 1922 году. Училась в вузах Ленинграда и Киева, но государственные экзамены сдавала уже в Будапештском университете, где и получила в 1960 году диплом преподавателя русского языка и литературы. С 1951 года Вера Ивановна работала в библиотеке Венгерской Академии наук старшим научным сотрудником.

19 октября 1961 года Имренэ Кёвеш, заведующая отделом кадров Будапештского университета им. Лоранда Этвеша, написала письмо директору библиотеки Венгерской академии наук с просьбой разрешить Вере Ивановне работать в университете по совместительству с 15 сентября 1961 года на контрактной основе. Через четыре дня, 23 октября, от заместителя директора библиотеки Золтана Фодора пришел ответ с разрешением на работу по совместительству в 1961–1962 учебном году.²¹ А 24 октября заместитель ректора Дьюла Ортутай подписал назначение Веры Шер на должность адъюнкта с 15 сентября 1961 года по 30 сентября 1962 года.²²

Разрешения на работу по совместительству и договора Вере Ивановне продлевали каждый год в течение более чем двадцати лет. С 1 января 1982 года она вышла на пенсию и до 31 августа того же года по распоряжению ректора университета Дьюлы Эрши работала на должности адъюнкта-пенсионера с обязательством отработать 48 часов в месяц, с окладом 1650 в месяц.²³

В своей автобиографии от 30 сентября 1961 года Вера Ивановна писала:

С 1960–1961 учебного года я принимала участие в организации украинского отделения, сначала преподавала украинскую грамматику, а потом с 1961–1962 учебного года украинскую грамматику, украинскую литературу и вела языковую практику.

Хотя моя работа в библиотеке только в незначительной мере предоставляла для этого возможность, все же регулярно занимаюсь лингвистическими, литературными и литературоведческими вопросами.²⁴

И хотя на заседании ученого совета факультета от 8 марта 1962 года Эржебет Андич упоминает Веру Шер среди тех, кто уже сдал или почти закончил диссертацию,²⁵ кандидатскую диссертацию на тему «Украинская классическая и советская литература в Венгрии» (1864–1964) она защитила только через четыре года, в 1966 году.

А вот два документа, свидетельствующие об оценке деятельности Веры Ивановны Шер. В ее личном деле хранится копия немножко наспех сформулированной записи-характеристики, сделанной в протоколе плана по развитию кадров кафедры от 12 января 1962 года, подписанная заведующим кафедрой Иштваном Шипошем, в которой фигурирует следующее:

Д-р Тиборнэ Шер – Сердюк Вера, 50% адъюнкт. Преподает украинский язык. С 1951 года сотрудник библиотеки ВАН. Принимала участие в редактировании венгерско-русского, русско-венгерского, украинско-венгерского словарей. В 1956 году вернулась в Советский Союз, Киев, где работала над украинско-венгерскими контактами и занималась исследованием Шевченко, по этой теме опубликовала статью. Украинским языком владеет на уровне родного языка. Обучает изучающих украинский в качестве третьего отделения. Эта форма обучения предпосылок не имеет, учебный план, тематику, программу разработала она сама. Она очень добросовестный, воодушевленный преподаватель. Занимается также научно-исследовательской работой, однако эту ее деятельность значительно затрудняют занимаемые ею полторы должности. Политически хороша, член партии.²⁶

А немногим позже, в связи небольшим казусом с окладом Веры Ивановны, заведующий кафедрой называет ее прямо «незаменимой». В своем письме от 12 октября 1965 года Эмиль Балецкий обращается к декану со следующей просьбой:

Товарищ Имренэ Кевеш, руководитель нашего отдела кадров, обратила мое внимание на то, что месячная заработная плата работающей у нас на кафедре Тиборнэ Шер превышает на 100 форинтов 50% оплаты, полагающейся за полную ставку.

Тиборнэ Шер на нашей кафедре преподает 6 часов в неделю и наряду с тем, что ведет русскую языковую практику, читает теоретические лекции по украинской литературе и украинской грамматике. Преподавание двух последних предметов требует особой подготовки. Тиборнэ Шер в настоящее время на украинском отделении незаменима.

Учитывая вышесказанное, прошу Товарища Декана и в дальнейшем разрешить предоставление настоящей оплаты Тиборнэ Шер.

И декан в свою очередь приписал просьбу к ректору университета «не менять оклада».²⁷

Прошло почти целое десятилетие после создания отделения украинского языка и литературы до тех пор, пока на этом отделении появился новый преподаватель. С 1970 года занятия по истории украинского языка стал вести Геза Вернке (род. 5 сентября 1946 г.).

В письме декану Дьёрдю Секею от 30 июня 1970 года Эмиль Балецкий, заведующий Кафедрой русской филологии писал:

Многоуважаемый товарищ декан! Прилагаю заявление выпускника русского отделения Гезы Вернке о его намерении занять на Кафедре русской филологии должность младшего ассистента с предоставлением стипендии в течение двух лет.

Заявление вышеназванного максимально поддерживаю, тем более, что кафедра нуждается в молодых преподавателях, занимающихся историей русского языка и преподаванием русского языка. Геза Вернке обе задачи мог бы удовлетворительно выполнить.²⁸

А Геза Вернке, поступивший на отделение русской филологии и истории в Будапештский университет им. Лоранда Этвеша в 1965 году, в своем вышеназванном заявлении писал:

В 1967 году я был одним из учредителей Русского лингвистического научного студенческого кружка. В тот же 1967 год по предложению кафедры на основе разрешения декана № 101/1967 я бросил историческое отделение с той целью, чтобы, будучи студентом одного отделения, иметь возможность углубить свои знания в области русской лингвистики. Третий курс я закончил как иностранный стипендиат в СССР, в Московском государственном университете им. Ломоносова в 1967–1968 году, где был студентом и слушателем Р. И. Аванесова, В. В. Иванова и С. В. Бернштейна... К сфере моих научных интересов относится лингвистика, в первую очередь историческая фонетика и морфология русского языка. Помимо этого, в течение последних трех учебных годов, после того как я стал учиться только на одном отделении, я занимался также историей польского, греческого и украинского языков.²⁹

Таким образом, на Кафедре русской филологии в 1970 году появился еще один преподаватель, который вел занятия и по истории украинского языка для студентов украинского отделения. В настоящее время Геза Вернке уже на пенсии.

Лебович Виктория (род. 9 августа 1958 г.) – аз есмь – закончила отделение русской, английской и украинской филологии в Университете им. Лоранда Этвеша в 1982 году. С 1982 по 1984 год была научным стипендиатом по повышению квалификации на Кафедре русской филологии, а в 1984 году стала ассистентом кафедры с тем, что помимо преподавания русского языка со временем станет преемником Веры Ивановны Шер и будет работать на украинском отделении.

3. 90-е годы XX столетия

Политические реформы 90-х годов привели к дальнейшим изменениям как в жизни Кафедры русской филологии, так и в истории украинистики. После распада Советского Союза и провозглашения независимости Украины интерес к украинистике значительно возрос во всем мире, в том числе

и в Венгрии. Андраш Золтан в «Предисловии» вышедшего в 1998 году сборника материалов конференции «Языки в Великом Княжестве Литовском и странах современной Центральной и Восточной Европы: аналогии и преемственность» писал: «...ранее далеко не каждый год начинали учебу студенты на украинском отделении, в то время как сегодня на украинском отделении на каждом курсе учится от 4 до 8 студентов. Опыт показывает, что рост интереса к украинистике объясняется новой ситуацией, связанной с распадом бывшего СССР, в результате чего Украина «стала» нашим самым большим соседом, а украинский язык – важным средством межгосударственного общения. На нашей кафедре с 1991 года работает постоянный лектор» (ZOLTÁN 1998: 7). Первым лектором на украинском отделении в Будапештском университете была Оксана Ковач (род. 21 июля 1964 г.).

Оксана Ковач закончила отделение украинского языка и литературы Черновецкого государственного университета им. Юрия Федьковича в 1986 году. С 1986 по 1989 год Оксана Ковач училась в аспирантуре в Москве в Институте славистики и балканистики при Академии наук СССР. В 1993 году защитила кандидатскую диссертацию по теме «Акцентуация западно-украинских говоров карпатского региона как источник реконструкции праславянской акцентологической системы» в Москве. Руководителем Оксаны Ковач был академик Владимир Дыбо. На украинском отделении Оксана Ковач преподает украинскую фонетику и фонологию, морфологию и синтаксис, украинскую и славянскую фразеологию, диалектологию, лексикологию. Кроме перечисленных предметов, относящихся к научной сфере интересов Оксаны, она, будучи лектором, вела практические занятия по украинскому языку. Историю украинского языка и далее преподавали Андраш Золтан и Геза Вернке, а Лебович Виктория вела занятия по украинской литературе.

С 1 января 1995 года Кафедра русской филологии на основе решения Сената Университета им. Лоранда Этвеша от 12 декабря 1994 года была переименована в Кафедру восточнославянской и балтийской филологии, в рамках которой и далее продолжалось преподавание украинской филологии.

4. Рубеж XX–XXI столетий

Рубеж XX–XXI столетий был сопряжен с серьезными изменениями в истории украинистики в Будапештском университете. Весной 2002 года в результате ходатайства бывшего в то время Чрезвычайным и Полномочным послом Украины в Венгрии Ореста Климбуша в Будапештском университете была создана Кафедра украинской филологии. Все преподаватели, ранее работавшие на Кафедре Восточнославянской и балтийской филологии со студентами украинского отделения – Андраш Золтан, Геза Вернке, Оксана Ковач и Виктория Лебович, были переведены на Кафедру украинской филологии. Первым заведующим Кафедрой украинской филологии

в сентябре 2003 года становится Андраш Золтан. До его назначения на пост заведующего весной 2002 года и в 2002–2003 учебном году функции заведующего кафедрой временно исполнял профессор Иштван Ньюмаркаи, бывший одновременно был заведующим Кафедрой славянских языков и директором Института славистики.

Андраш Золтан (род. 25 декабря 1949 г.) с 1969 года по 1974 год учился на русско-польском отделении Университета им. Лоранда Этвеша, причем по одному семестру был на стажировке в Варшаве и Москве. С 1980 года по 1984 год заочно учился в аспирантуре. В 1984 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Западнорусско-великорусские языковые контакты в области лексики в XV веке (К вопросу о западной традиции в деловой письменности Московской Руси)» под руководством Бориса Успенского. А в 2005 году Золтан Андраш защитил докторскую диссертацию «„Athila“ М. Олаха в польском и белорусском переводах XVI века». Вся трудовая карьера Андраша Золтана связана с Будапештским университетом им. Лоранда Этвеша. На Кафедре русской филологии он был научным стипендиатом по повышению квалификации (1974–1976), ассистентом (1976–1981), старшим преподавателем (1981–1986), доцентом (1986–2006), профессором (с 2006 года). С 1991 года по 2002 год Андраш Золтан также был заведующим Кафедрой русской филологии, позже переименованной в Кафедру восточнославянской и балтийской филологии. В настоящее время он руководит Кафедрой украинской филологии в Будапеште и по совместительству Кафедрой украинской и русинской филологии в Ниредьхазе, преподает историю украинского языка.

Оксана Ковач в 2002 году стала адъюнктом, а лектором на Кафедру украинской филологии была приглашена из Украины Оксана Борис (род. 28 апреля 1975 г.). После окончания Филологического факультета Львовского государственного университета им. Ивана Франка по специальности «Украинский язык и литература» в 1998 году, Оксана была преподавателем Общеобразовательной школы I–III ступеней им. Евгения Коновальца в селе Зашков. С 1 февраля 2001 года Оксана Борис становится соискателем Кафедры украинской литературы имени ак. М. Возняка во Львове. Темой ее кандидатской диссертации, над которой она продолжала работу, будучи лектором Кафедры украинской филологии Будапештского университета с 2002 по 2005 год, была «Система литературно-критических жанров (на материалах публикаций журнала *Українська хата*)».

В настоящее время, начиная с 2005–2006 учебного года, в качестве третьего лектора на кафедре работает Наталия Коляджин (род. 17 мая 1977 г.). С 2003 года Наталия является также докторантом докторской программы «Русская литература между востоком и западом» Будапештского университета. Она закончила заочное отделение украинского языка и литературы на Факультете украинской филологии Ужгородского государственного университета в 2000 году. С 1995 по 2003 год она работала преподавателем украинского языка и литературы в Ужгородской средней школе им. Габора

Дайка с венгерским языком обучения, а с 2003 года Наталия – сотрудник Кафедры языковых дисциплин Закарпатского Венгерского института им. Ференца Ракоци II в Берегово, где также преподает украинский язык и литературу.

В 2005 году число сотрудников Кафедры сократилось, так как Геза Вернке вышел на пенсию.

Преподаватели Кафедры украинской филологии помимо преподавательской деятельности активно и регулярно принимают участие научной работе: пишут и публикуют статьи, исследования, рецензии, принимают участие в отечественных и международных конференциях, поддерживают научные контакты с украинистами всего мира.

Примечания

¹ „Kilátásunk van, hogy a jövő tanévben megkezdhetjük az ukrán nyelv tanítását s erre Bonkáló egyetemi tanárt akarjuk felkérni”. In: *A Budapesti Corvinus Egyetem Levéltára*. 397/1918, 2/a 2.

² „Az orosz nyelv tanítására a folyó iskolai évben dr. Bonkáló Sándor egyetemi tanár ajánkozott, aki a felügyelő bizottsághoz intézett beadványában a rutén (kisorosz) nyelv tanítására is ajánkozott, még pedig mindkét nyelvre díjtalanul. Az orosz nyelv tanításával (heti 2 óra), melyet a korábbi években Asbóth Oszkár egyet. tanár látott el, dr. Bonkáló Sándort megbízandónak tartjuk, azonban a rutén nyelv előadására még nem látván kellőképp elérkezettnek az időt, erre nézve egyelőre várakozó álláspontra kell helyezkednünk. Tisztelettel kérjük ez irányban Nagyméltóságod kegyes döntését”. In: *A Budapesti Corvinus Egyetem Levéltára*. 397/1918, 2/h 10.

³ „A tanszék tárgykörére vonatkozólag Bleyer és Ballagi ny. r. tanárok javaslata alapján a Kar azt kívánja, hogy az ne terjesztessék ki a kis és a nagy orosz nyelv és irodalomra, hanem csupán a rutén nyelv és irodalomra szorítkozzék”. In: Kari tanácsülési jegyzőkönyvek 23. 8/a. Az 1919. január 3-án tartott rendkívüli ülés.

⁴ См. Kari tanácsülési jegyzőkönyvek 23. 8/a. Az 1919. január 3-án tartott rendkívüli ülés.

⁵ См. Határozati javaslat. 240. szám. 1919/1920. Budapest, 1919. november 5.

⁶ A Budapesti Királyi Magyar Tudományegyetem Tanrendje. Az MDCCCCXIX–MDCCCCXX. Tanév első és második felére. Budapest, 1920. 44.

⁷ A Budapesti Királyi Magyar Tudományegyetem Tanrendje. Az MDCCCCXX–MDCCCCXXI. Tanév első felére. Budapest, 1920. 38.

⁸ A Budapesti Királyi Magyar Tudományegyetem Tanrendje. Az MDCCCCXXI–MDCCCCXXII. Tanév első felére. Budapest, 1921. 38.

⁹ A Budapesti Királyi Magyar Tudományegyetem Tanrendje. Az MDCCCCXXIII–MDCCCCXXIV. Tanév első felére. Budapest, 1923. 37.

¹⁰ Kari tanácsülési jegyzőkönyvek 29. Az 1924. február 29-én tartott rendkívüli ülés.

¹¹ A Budapesti Pázmány Péter Tudományegyetem Tanrendje. Az MCMXLVI–MCMXLVI I. Tanév első felére. Budapest, 1946. 41.

¹² Irányelvek oktatási rendszerünk továbbfejlesztésére. A művelődésügyi miniszter rendeletére. A Magyar Forradalmi Munkás-Paraszt Kormány által megbízott Iskolai Reformbizottság. Budapest, 1960. évi szeptember 4-én. 3.

- ¹³ Там же, стр. 11.
- ¹⁴ Egyetemi Tanács ülése. Budapest, 1960. szeptember 4.
- ¹⁵ См.: Az egyetem tudományos munkájának felmérése. In: *Az Egyetemi Tanács ülése*. Budapest, 1960. október 24.
- ¹⁶ См.: Jegyzőkönyv az Eötvös Loránd Tudományegyetem Bölcsészettudományi Karán 1960. december 22-én tartott tanácsülésről.
- ¹⁷ Jegyzőkönyv az Eötvös Loránd Tudományegyetem Bölcsészettudományi Karán 1962. június 21-én tartott tanácsülésről.
- ¹⁸ Jegyzőkönyv az Eötvös Loránd Tudományegyetem Bölcsészettudományi Karán 1960. december 22-én tartott tanácsülésről.
- ¹⁹ Feljegyzés a Bölcsészettudományi Kar 1961. január 27-én tartott Dékáni Tanácsüléséről.
- ²⁰ A bölcsészettudományi karok programjai 35. Ukrán nyelv és irodalom szak. Budapest, Tankönyvkiadó, 1961. 13. o.
- ²¹ 1413-754/1961. Budapest, 1961. október 23.
- ²² 1413-779/1961. Budapest, 1961. október 24.
- ²³ Részfoglalkozású munkaszerződés. 207/1982. Budapest, 1982. február 15.
- ²⁴ Önéletrajz. Budapest, 1961. szeptember 30.
- ²⁵ Jegyzőkönyv az Eötvös Loránd Tudományegyetem Bölcsészettudományi Karán 1962. március 8-án tartott tanácsülésről.
- ²⁶ Másolat a Tanszék káderfejlesztési tervének jegyzőkönyvéből. Budapest, 1962. január 12.
- ²⁷ Baleczky Emil levele. Budapest, 1965. október 12.
- ²⁸ Baleczky Emil levele Székely György dékánhoz. Budapest, 1970. június 30.
- ²⁹ Wernke Géza pályázata az ELTE BTK Orosz Filológiai Tanszékén a Magyar Forradalmi Munkás-Paraszt Kormány 1014/1970 (V. 10.) sz. rendelete alapján meghirdetett kétéves tudományos továbbképzési ösztöndíjra. Budapest, 1970. június 30.

Литература

- BONKÁLÓ 1996 = BONKÁLÓ Ervin: Bonkáló Sándor életrajza. In: BONKÁLÓ Sándor: *A rutének (Ruszinok)*. 2., bővített kiadás. Sajtó alá rendezte, jegyzetekkel ellátta és az Utószót írta: Salga Attila. Magyar Protestáns Szabadegyetem. Basel–Budapest, 1996. 7–12.
- KISS–SZÖGI–VARGA 1999 = KISS József Mihály, SZÖGI László, VARGA Júlia: *Az Eötvös Loránd Tudományegyetem levéltára 1635–1990*. II. kötet. (Fejezetek az Eötvös Loránd Tudományegyetem történetéből 20.) Budapest, 1999.
- SINKOVICS 1985 = SINKOVICS István (szerk.): *Az Eötvös Loránd Tudományegyetem története 1635–1985*. Budapest, 1985.
- SZÖLLÖSY 1996 = SZÖLLÖSY Pál: Bevezető. In: BONKÁLÓ Sándor: *A rutének (Ruszinok)*. 2., bővített kiadás. Sajtó alá rendezte, jegyzetekkel ellátta és az Utószót írta: Salga Attila. Magyar Protestáns Szabadegyetem. Basel–Budapest, 1996. 5–6.
- ZOLTÁN 1998 = ZOLTÁN András: Предисловие. In: *A Litván Nagyfejedelemség és a mai Közép- és Kelet-Európa nyelvei: analógiák és folytonosság*. Budapest, 1998. 7–11.